

Ludmila V. Tomchani,
lecturer,
Turin Polytechnic University in Tashkent

Occasional Nouns and Adjectives in Russian Prose at Beginning of XXI Century

Key words: *occasional word formation, word formation functions, noun, adjective, word formation methods.*

Annotation: *The article explores the types and functions of occasional derivative names in modern Russian prose.*

Как известно, лексическая система, в отличие от других языковых систем, более тесно связана с экстралингвистическими факторами и более непосредственно отражает изменения, происходящие в действительности. Поэтому лексика представляет собой открытую систему.

По словам Л.В. Щербы, «в языковой системе мы имеем некую социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы. Но, как и общество, язык находится в непрерывном движении» (1, р. 427).

Лексический состав любого живого языка находится в постоянном движении, как бы в процессе вечного становления, причем лексикология называет два основных пути развития словарного состава: 1) постоянное пополнение слов исконных; 2) заимствование слов из других языков. «Словарный состав языка находится в состоянии непрерывного изменения: он постоянно пополняется словами и значениями слов, необходимыми для обозначения новых реалий и понятий, и, наоборот, освобождается от тех единиц, которые перестают быть необходимыми» (2, р. 9).

И в русском языке, в языках других этносов постсоветского пространства последний «взрыв» в пополнении и изменении лексики приходится, как известно, на постперестроечный период (с конца 80-х годов XX века).

Главным каналом пополнения лексики в указанный период был процесс заимствования, неразрывно связанный с важнейшими экстралингвистическими факторами: сменой общественно-экономического строя, идеологии и определенным этапом развития информационных технологий.

Из общих причин заимствований (настоятельная потребность в наименовании новых предметов, понятий и явлений; отсутствие в языке-реципиенте соответствующего точного наименования; общемировая тенденция к интернационализации лексического фонда; пополнение языка более выразительными средствами; восприятие иноязычного слова как более престижного) в целом были задействованы все эти факторы, однако по отношению к разным пластам лексики в разной степени. Соответственно можно

прогнозировать, что не все заимствованные лексемы и сочетания прочно укоренятся в лексике языка-реципиента.

Заимствование компьютерной лексики и лексики Интернет способствовало появлению весьма активного пласта жаргонной лексики.

В то же время активизировались и собственно деривационные процессы, появились новые словообразовательные гнезда или пополнились уже существующие, причем заимствование и словообразовательная деривация могут активно взаимодействовать, например: *визажист, глобализация, клонирование, интегризм, супермаркет, суперкар, реэкспорт, делистинг, ремаркетинг; адвалорный, дисконтный, консалтинговый, трастовый, фьючерсный, холдинговый* и мн.др.; *букировать, броузить, кликать, чатиться, копипастить; хакер, суперхакер, хакерский, хакнуть, хакерничать; пиар, пиарщик, пиарить, пиариться, пропиарить.*

Очевидно, процесс заимствований последней волны в целом завершен, так же, как словообразовательная деривация собственно номинативного характера, однако следует учитывать полифункциональность словообразования. Из пяти основных функций словообразования, выделенных Е.А. Земской, (собственно номинативная, конструктивная, компрессионная, экспрессивная, стилистическая) (3, р. 8), дериваты последних десятилетий активно реализуют три последние: компрессионную, экспрессивную, стилистическую, причем нередко в одном деривате эти функции сочетаются и взаимодействуют, например: производные *домашка, оптушка, черняшка* представляют собой компрессию словосочетаний *домашнее задание, оптовый рынок, черный хлеб*, вместе с тем реализуется установка на экспрессию новообразования и стилистически сниженную, просторечную номинацию.

Окказиональное словообразование мы понимаем широко, как контекстуальное образование «по случаю» по продуктивным словообразовательным типам (моделям), непродуктивным и в результате «ломки» моделей. Термин «потенциальные слова» для неологизмов, образованных по продуктивным словообразовательным типам (термин Е.А. Земской) нам представляется не вполне корректным, так как определенная лексема уже реально существует, пусть и в каких-то ограниченных контекстах. Критерием отбора окказиональных слов мы считаем их образование «на случай», привязанность к контексту и отсутствие в толковых словарях и в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова.

В произведениях последних десятилетий И. Гольмана, Ю. Буйды, Д. Рубиной, М. Метлицкой, Т. Корсаковой и мн. др. окказиональные дериваты представлены практически всеми знаменательными частями речи: существительными, прилагательными, глаголами и наречиями, однако в количественном отношении наиболее частотны существительные и прилагательные.

Как известно, формы существования языка подразделяются на основные (главные) и второстепенные в зависимости от своего функционально-стилевого предназначения,

языкового объединения или, наоборот, обособления определенных групп носителей данного национального языка. К основным формам существования языка относятся литературный язык, разговорная речь, просторечие и территориальные диалекты.

К второстепенным формам существования языка относятся разные типы социальных диалектов: профессиональные подязыки, различные жаргоны и аргот, обслуживающие меньшую часть народа (З, р. 45-47).

Для сленга, как и для всех пластов разговорной речи (РР) характерны непринужденность, ситуативность, спонтанность, определенный автоматизм и вместе с тем установка на экспрессию, что соответствует «небазовым» функциям словообразования, так как базовая функция на данном языковом ярусе – номинация новых реалий, процессов, признаков.

По нашим наблюдениям, в результате словообразовательных процессов наиболее активно пополняются пласты сниженной лексики, в результате чего образуются и пополняются синонимические ряды, например:

нищие – нищоброды
драка – махач
релакс – расслабон
чутье – чуйка
оптовка – оптушка
квартира – квартирелка – квартирелуха
слесарь – слесарюга
портвейн – портвешок
куртка – куртец – куртешка
кино – кинцо

Нами зафиксированы существительные со значением лица *бедокурищик, очаровун, рефлектик, уединители, хронофобы, жалельщица, остроумица*; собирательные существительные *алкашня, стариковство*; абстрактные существительные *нервомотка, безмозговье, беспросветка*.

В редких случаях окказиональные дериваты-существительные заполняют лингвистическую лакуну, реализуют необходимое и отсутствующее в языке наименование. К таким, с нашей точки зрения можно отнести некоторые дериваты со значением лица, да и то в определенной ситуации. Однако гораздо чаще приведенные выше лексемы связаны с компрессионной, экспрессивной, стилистической, а также прагматической функцией – функцией воздействия, в данном случае – на читателя.

Окказиональные прилагательные приводятся нами в сочетании с определяемым существительным: *мужик пьющий и никакующий, болявая тетка, «всешний» друг и соратник, бабообразный мужик, не очень «людимая» женщина, трепливые соседи, злючая баба, мерзенький голос, пронирыстый вид, быдлярское (от быдло) поприще, шалавистое имя, скоропомощная девица, шмоточный магазин, самолепные пельмени,*

козлячье молоко, болючие уколы, танцевальный паркет, шипастая роза, огромная сумка, коротышечный футбол, обалдительный запах.

И существительные, и прилагательные окказионального характера образуются в основном самым продуктивным способом образования имен – суффиксальным, реже – способом сложения. Только один дериват из зафиксированных нами демонстрирует «ломку» модели: пожелудый *вм.* пожилой (М. Метлицкая).

Окказиональность прилагательного может создаваться необычной сочетаемостью, например: гордыня его была *безразмерной* (*вм.* безмерной); *безлошадный* (не имеющий в настоящее время автомобиля).

Подавляющее большинство окказиональных прилагательных относятся к характеристике лица (чаще негативной) и создаются с экспрессивным заданием, относятся к разговорной или просторечной лексике.

Реже наблюдаются образования или сочетания книжного характера, например: Черный ежик волос, лицо безмятежное, с виду ничего *коматозно-фатального* (Т. Корсакова)

В простуженных комнатах повис плесневый запах (И. Гольман).

У меня появился дом, уютный и теплый, *вкусный* и гостеприимный (М. Метлицкая).

От аромата душистых и «*крикливых*» духов ее начинало мутить (М. Метлицкая).

А еще все как из одного ларца – просто *хромосомное* извращение (М. Метлицкая).

Среди этого бескрайнего и *беспредельного* (от слова беспредел) моря текстов (М. Метлицкая).

Таким образом, лексический состав русского языка пополняется фактически непрерывно, что можно проследить на материале современной российской прозы. Трудно решить, все ли из зафиксированных окказиональных имен будут кодифицированы, войдут ли они в словари разных типов, так как большинство из них пока на периферии лексической системы, в области просторечия. Однако в текстовом воплощении большая часть из них представляется уместной, они выполняют возложенные на них автором функции: создать более яркий образ или освежить его через синонимичное наименование, заострить внимание читателя на определенном моменте повествования, «навязать» читателю характеристику лица (чаще негативную), причем все эти функции успешно выполняет система русского словообразования.

References:

1. Bondaletov VD. *Social linguistics. Moscow, 1987; 45-47.*
2. Zemskaya EA. *Word formation as an activity. Moscow, 2005; 321.*
3. Novikov LA. and all. *Modern Russian. Theoretical course. Lexicology: ed. LA. Novikova. Moscow, 1987; 230.*
4. Tikhonov AN. *Dictionary of the Russian language: in 2 vols. Moscow, 1985, T.1; 856, TP; 887.*
5. Shcherba LV. *Language system and speech activity. Leningrad, 1974; 427.*